

Ильина Алина Юрьевна

Ilyina Alina Yurievna

аспирант кафедры социальной философии
Сургутского государственного университетаPhD student, Social Philosophy Department,
Surgut State University**СТРАННИЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ****PILGRIMAGE AS A SOCIAL
AND CULTURAL PHENOMENON OF
RUSSIAN CULTURE****Аннотация:**

Статья посвящена феномену странничества в отечественной православной культуре, который рассматривается в пространственном и временном контекстах – через дорогу, которую проходит странник. В работе с философских позиций осуществлена попытка изучить творимые им самим пространство и время. Уделяется внимание странничеству как объекту социокультурного исследования через генезис и онтологию явления. Осуществлена попытка анализа особого мышления странника, его рефлексии, стержневого мотива странничества – интенции оставить вещный мир и отправиться странствовать. Метафизическое свойство странничества, без которого его реализация вряд ли представляется возможной, раскрывается как объект философской оценки и социокультурный феномен. Странничество трактуется как наставление Святых Отцов, Священного Писания православной культуры. Акцентируется внимание на том, что если бы христианская культура осталась лишь в голове и сердце ее Творца, она не смогла бы обрести реальную онтологическую и антропологическую жизнь. Предложена следующая гипотеза: для того чтобы христианство воплотилось, стало основой бытия, требовалась трансляция идеи в том числе через странничество, на которое способны лишь люди исключительной мыслительной энергии. Автор определяет странничество как явление движения без фиксирования времени, пройденного пути, без отметки оседлости, что на первый взгляд в корне противоречит природе человека. Таким образом, в странничестве не существует чужого пространства по причине отсутствия отождествления человека с определенным местом. Пространство в странничестве выступает как настесь открытое окно, которое метафизическим зрением видит только странник.

Ключевые слова:

странничество, странник, путь, время, пространство, интенция, рефлексия, Священное Писание, Творец, молитва.

Summary:

The research deals with the pilgrimage phenomenon in Russian Orthodox culture which is considered in spatial and temporal contexts through the path taken by the pilgrim. The author attempts to review the space and time created by the pilgrim from a philosophical perspective. Special attention is paid to pilgrimage as a focus of social and cultural study through the genesis and ontology of the phenomenon. The research analyzes the particular way of thinking and reflection of the pilgrim and the core motive of pilgrimage, i.e. the intention to leave the material world and start a journey. Pilgrimage is impossible without its metaphysical feature that is regarded as a target of philosophical review and a social and cultural phenomenon. Pilgrimage is interpreted as an instruction of the Holy Fathers and the Holy Scripture of Orthodox culture. It was hypothesized that if the Christian culture was only in the mind and heart of the Creator, it would not be able to gain a real ontological and anthropological life. To materialize the Christianity and make it the basis of existence, it was necessary to translate the idea through pilgrimage available for people with a special intellectual energy. The author defines pilgrimage as the phenomenon of movement without fixing the time, distance, and settled way of life that seems to be fundamentally contrary to human nature. Thus, there is no alien space for pilgrimage because of the lack of identification of a person with a particular place. In this context, space is like a wide-open window that can be metaphysically captured only by the pilgrim.

Keywords:

pilgrimage, pilgrim, path, time, space, intention, reflection, Holy Scripture, Creator, pray.

Вполне закономерно, что слово «странник» и его производные неоднократно встречаются в Библии: «когда Бог повел меня странствовать» (Быт. 20:13); «был странник, и не приняли меня» (Мф. 25:43); «Странник я на земле» (Пс. 118:19); «Будьте страннолюбивы друг к другу» (1-е Пет. 4:9); «страннолюбия не забывайте» (Евр. 13:2). В церковнославянском языке мы находим следующие слова и сочетания: пришелецъ, пресельникъ, странен бѣхъ, видѣхомъ странна. Иисус Христос, как известно, призывал идти за ним. В Евангелии от Матфея пронзительно подчеркивается: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее».

В слове «странник» присутствуют коннотации чужести, инаковости странника для остальных, пришельца неведомо откуда, странного человека, не похожего на окружающих его людей. Однако собственная странность никоим образом не занимает странника, что объясняется не равнодушием, высокомерностью или вызовом, а осознанием своей странности с позиции других.

По православным представлениям жизнь человека уподобляется пути, который должен пройти каждый, по результатам этого странствия будет определено загробное существование

души: «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13:14). «Земная жизнь – ни на час не прекращающееся путешествие. Идем, идем: внезапно открываются ворота вечности, и мы теряемся в ее невообразимом пространстве. Как прекрасно говорит Святой Давид: пришелец аз есмь на земле: не скрый от мене заповеди Твоя!» [1]. Человеку дозволено Богом пользоваться на земле самым необходимым, без которого невозможно земное существование. Ничто в жизни не должно отвлекать его от мыслей о вечности, поэтому удовольствия, развлечения, излишества, удаляющие его от цели существования, недопустимы. Все праведники ветхозаветной церкви проводили земную жизнь сообразно назначению, данному Богом. «Они жили на земле, как в стране изгнания, как в стране плача и покаяния, питаюсь надеждою обетованного избавления, соглядая оком веры вечность. "По вере умраша сии вси, не приемше обетований, но издалеча видевшие я, и целовавшие, и исповедовавшие, яко страннии и пришельцы суть на земли" (Евр. 11:13)» [2, с. 30].

В отечественной духовной и научной литературе материалов, посвященных исследованию феномена странничества, имеется не много. Тем не менее образ странника появляется в произведениях русских классиков, поэтов, очерках священников. Интересны в этом отношении «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» [3], которые можно рассматривать как истолкование и пояснение к известному «Добротолочию» – собранию текстов виднейших отцов церкви. Это своеобразный перевод сложнейшей богословской проблематики на язык обыденного опыта, а также описание техники христианской молитвы, посредством которой человек может избавиться от разного рода сомнений и соблазнов, сосредоточиться всем сердцем на разумном и божественном. Следует отметить важную деталь, что в данном источнике речь идет о молитве, которую творил странник, т. е. совершаемой в условиях творимой странником дороги. «Книга написана от лица странника, кочующего с котомкой за плечами по Святой Руси в поисках тихих обителей, где можно вести назидательные беседы со схимниками и священниками, с такими же, как автор, ищущими "умного делания" – искусства христианской молитвы, тихими мистиками, которыми в изобилии заселена земля наша. <...> В начале первого рассказа он увлекательно строит завязку своего повествования: "Я по милости Божией человек-христианин, по делам – великий грешник, по званию – бесприютный странник"» [4, с. 185].

По мере хождений герой встречается со старцем, который дает толкование слов «непрестанно молитесь» и наставление о технике молитвы. Странник оказался способным учеником, и вначале дело пошло без особого труда. «Потом он почувствовал большую тяжесть, лень, скуку, одолевающий сон, и разные помыслы тучею надвигались на него. Старец констатировал: "Это, возлюбленный, война против тебя темного мира. Впрочем, и враг действует по попущению Бога, следовательно, необходимо испытание к смирению, так как слишком рьяно с неумением нельзя касаться высшего сердечного входа"» [5, с. 185].

Странник как старательный ученик принял и понял наставления старца. Далее он говорит о себе следующее: «Сделался я какой-то полоумный, нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает, ни на что суетливое не глядел и был бы все один в уединении». «Однако это не вершина молитвенной "йоги". Пока достигнута только первая ступень: освобождение от телесных и чувственных влечений, страданий, ощущений» [6, с. 186]. Наблюдается освобождение психики, но мышление все еще стоит на пороге изменений. Но, может быть, они уже произошли? «Странник встречает в лесу человека, который десять лет жил на хлебе и воде, однако аскеза не освободила его от сомнений: не лучше ли на земле жить "попрохладнее и повеселее"?» [7]. Для думающего человека такая встреча становится решающей, он приходит к пониманию того, что изнурение плоти не избавляет от неверия: «Сколько не изнуряй себя, какие хочешь проходи телесные подвиги: но если не будешь иметь всегда Бога в уме, да не непрестанно Иисусовой молитвы в сердце, то никогда не успокоишься от помыслов и всегда будешь уподобопреклонен греху» [8].

Все странники схожи между собой тем, что пребывают в поиске и ожидании вознаграждения мистическим или магико-религиозным опытом – моментом, когда они испытают нечто необычное, что знаменует собой переход от земного обыденного мира повседневного существования к особому Священному состоянию. Этот момент может быть скоротечным, так что многие не сразу осознают произошедшее, возможно, только размышляя о событии, они поймут, что пережили встречу с Другим. Данный опыт может быть определен любым количеством вариантов: трансформация, трансценденция, событие, изменяющее жизнь и (или) сознание, иерофания, просветление и т. д., но эти термины кажутся неподходящими для описания переживаний, которые часто не поддаются разуму. Ф.С. Брайnard классифицирует эти мистические ощущения как духовное пробуждение, примечательное тем, что оно одновременно глубоко и экстраординарно [9].

В современных научной литературе и публицистике образом странника наделяют путешественников, которые пешим ходом, на автомобильном транспорте или по морским путям курсируют по миру, наблюдая диковины природы, другие культуры, нравы народов. Пользуясь средствами связи и гаджетами, они рассказывают интересующимся о передвижениях, впечатлениях. Таким образом, даже в поездке они стараются оставаться на связи, сообщать о себе другим и поддерживать коммуникации с миром. Более того, такие люди планируют возвращение домой, встречи с родными. В реальном странничестве время встреч и разлук не фиксируется.

Отец Сергей рассуждает о путях и причинах странничества, касается его истории на примере наиболее известных русских странников XIX – начала XX в., вспоминает тех, кто встретился ему в Оптиной пустыни. Автор пристально вглядывается во взаимоотношения странников и церкви. Не оставлен без внимания и подвиг странноприимства – описаны известные в то время люди, предоставлявшие кров и пищу нуждающимся. Подвиг странничества выводится из подвига паломничества, который заключался в добровольном уходе из мирской жизни, порой высокого материального уровня, в принятии на себя добровольной нищеты, всецелого вручения себя Божьей воле. Странничество утверждает святость всего мира. «Если паломники в подвиге древнего Израиля стремятся к Земле обетованной, то странники знают пути учеников Господних, идущих за Ним по дорогам Галилеи» [10, с. 31].

Странник манифестирует себя, он есть метафизический индивидуалист. По дефиниции странничество исключает оборонительность. Странник не может держать оборону, гибнет в обороне, он не сражается с жизнью. Странник обладает собственной сферой, в которой наступает, поэтому он непонятен и чужд окружающим.

В некоторых исследованиях указывается на то, что расцвет странничества в России пришелся на период правления Петра I. Во многих монастырях организовывались госпитали для увечных солдат. Монашеская братия была вынуждена скитаться. Странничество в его реальном осуществлении является выбором индивидуума, а выбор предполагает поступок. Человека, бросившего родной край, обжитое место в силу негативных обстоятельств или репрессии и по этой причине вынужденного скитаться, нельзя назвать странником. Странничество не предусматривает жертвенности, принуждения, странник – человек мышления и действия, а не психики и обыкновенной реакции. Он не может жить не странствуя, а жить для него – значит думать, что лучше всего удастся делать, проходя по творимой им самим дороге. Странник не занят чужими делами или мыслями, поэтому он предпочтет плохо выполнить свою работу, чем хорошо – чужую.

Для среднестатистического человека смерть – факт принудительной трансцендентальности. Странник преодолел страх смерти при жизни, смерть уже включена в полноту его жизни, возможно, именно таким образом он пробудил в себе созерцание, недоступное обычному индивиду. Процессом воспитания он был подготовлен к принятию решения стать странником. Странник не укрощает плоть в закрытом пространстве, не терпит одиночества, холода и голода в келье, не держит многодневные посты в молитвах. Странничество – осознанный выбор, обусловленный тем, что в какой-то момент жизни человек понимает, что его общение с Богом может происходить в другом пространстве, не только в церкви перед иконостасом: в общении со старцем или духовником, за молитвой дома, на пашне за плугом, в монастырской келье, возле святых мощей или в паломничестве по святым местам. Странник не фиксирует время по часам, он не торопится, и время не подгоняет его, у странника свое время. Именно он владеет временем, а не наоборот.

В ряде исследований странник считается искателем свободы. Если придерживаться такой упрощенной трактовки, то странник действительно свободный человек, но только ответивший для себя на вопрос «Свободен для чего?». Его не интересует набивший оскомину вопрос «От кого?», который снимает с человека ответственность за самого себя.

Здесь нужно напомнить, что для философа сам факт, что случилась мысль, является чудом. Мысль в метафизическом смысле не может быть порождена естественным ходом событий, как и усилие держаться в истине или добре порождается не естественным ходом событий, а субъектом. Это всегда некий дополнительный факт к любому устройству мира, которое должно воспроизводиться и продолжаться [11, с. 80–81].

По мнению некоторых авторов, в подвиге странничества высвечиваются некоторые особенности национального русского характера – беспокойство, устремление к идеалу, поиск личной встречи с Богом. Для этого необходимы уход из дома, оставление прежней жизни, разрыв с родными, отправление в путь. Подвигом принято считать то, на что ты сам не способен. В обсуждении явления странничества уместнее употреблять понятие «дорога». Слово «путь» произносится с придыханием, неким благоговением и оттенком романтизма. В анализе странничества термин «путь» можно трактовать только как путь обучения странника. Как правило, когда стремятся к легкой и сытой жизни, обещают «пойти другим путем». Когда речь заходит о военных испытаниях, принято говорить «дорогами войны». Путь существует у звезды на небе, небесные объекты никогда не отклоняются и не отклоняются от орбиты. О них можно сказать, что они вечны, а человек – конечен, и ему неуместно рассуждать о вечности. М. Лермонтов в строчке «Выхожу один я на дорогу» уловил «одиночность» и прерывистость дороги, которой держится странник. Дорога странника, как и философа, прерывиста, и он на ней Один. Чтобы стать философом, им нужно родиться, поскольку от ноля ничего не бывает. Разумеется, странничество не для всех, а для единственного, кто уловил и удержал в мысли интенцию быть не как все, думать не как все и искать Бога не как все. Однако это нельзя назвать вызовом, продиктованным человеку его психикой. Странничество – особым способом рожденная мысль. Для странника не существует чужого и своего пространства, поскольку нет необходимости отождествлять себя с каким-либо местом. Пространство для него представляет собой не объект, который следует преодолеть или достичь, а некое поле с множеством невидимых

обычному глазу тропинок, из которых он выбирает одну и делает ее дорогой. Тем не менее главное в странничестве не дорога, а сам странник, который ее творит. Смысл странничества заключается внутри самого феномена, никакого внешнего смысла нет. У странника отсутствуют гарантии защиты, более того, порой они подвергались гонениям, заточениям в тюрьмы, истязательствам. В чем нуждается странник? В любви. Если, конечно, ее может дать встречный.

В ряде идеологий странничество рассматривается как преступление против государственного строя, поскольку человек не принадлежит определенному месту жительства и не занят трудом на пользу общества. В этом явлении усматривались антисоциальные элементы поведения.

Святой Иоанн Лествичник в знаменитой «Лествице» странничество определяет как «невозвратное оставление всего того, что в отечестве противодействует нам к достижению цели благочестия. Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая мудрость, невыказывающее себя благоразумие, сокровенная жизнь, незримая цель, неявный помысл, желание унижения, возжелание стеснения, начало божественной любви, обилие любви, отречение от тщеславия, глубина молчания» [12, с. 37].

Перед странником возникает решение метафизического вопроса так называемой культурной совместимости. Странник обязан почувствовать, узнать и понять ту среду, в которую он несет себя и свое учение, почерпнутое из Священного Писания. Как известно, знать можно многое, а понять удастся лишь немногим, понимание сравнимо с Божественным чудом. Вспомним притчу Христа о сеятеле: «Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторицей» (Лк. 8:5–10).

Православная культура, идеи которой озвучены в Священном Писании, вложены в уста старцев, Святых Отцов, содержит следующую концепцию: у человека есть несомненный опыт эмпирически доступной ему жизни, но существует и другой модус бытия, отличный от эмпирически воспринятого опыта. Он постоянно требует самостоятельной, индивидуальной усиленной работы, как поле, которое необходимо возделывать, чтобы поддерживать его предназначение – давать урожай для пропитания. У мысли другой режим жизни, в ней недопустимо рассеяние человека в пространстве и времени. Она предполагает постоянство множества сил, которые не могут рождаться стихийно или в естественном потоке бытия, тем более что человек ограничен в своих возможностях, не способен на постоянном уровне концентрации сил поддерживать чувство или мысль. Движимый этой другой мыслью странник не может находиться на прежнем месте. Чтобы Быть, ему нужно стать иным, и первое, что он делает для внешнего мира и для себя, – уходит. Для странничества необходимы другие условия эмпирической жизни мысли. И Священное Писание озвучивает их: следуйте дорогой Христа. Для осуществления идеи важно не только знание, но и понимание того, что при этом не случится открытие Божественных законов, не за этим зовет за собой Иисус Христос, а за рождением проблемы. Поскольку странник – это философ, для которого даже верховный закон природы является не открытием, а только проблемой.

Ссылки:

1. Практическая энциклопедия. Основы правильной духовной жизни. По творениям святителя Игнатия Брянчанинова / сост. С. Молотков. СПб., 2013. 336 с.
2. Моклецова И.В. «Хождения» в русской культуре и литературе X–XX вв. М., 2003. 73 с.
3. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. 3-е изд., испр. М., 2009. 368 с.
4. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб., 1997. 383 с.
5. Там же. С. 185.
6. Там же. С. 186.
7. Там же.
8. Там же.
9. Brainard F.S. Defining «Mystical Experience» // *Journal of the American Academy of Religion*. 1996. Vol. 64, no. 2. P. 359–393.
10. Моклецова И.В. Указ. соч. С. 31.
11. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). М., 2018. 293 с.
12. Цит. по: Моклецова И.В. Указ. соч. С. 37.

References:

- Brainard, FS 1996, 'Defining «Mystical Experience»', *Journal of the American Academy of Religion*, vol. 64, no. 2, pp. 359-393.
Frank Stories of a Wanderer to His Spiritual Father 2009, 3rd ed., Moscow, 368 p., (in Russian).
Mamardashvili, MK 2018, *Vilnius Lectures on Social Philosophy (the Experience of Physical Metaphysics)*, Moscow, 293 p., (in Russian).
Markov, BV 1997, *Philosophical Anthropology: Essays of History and Theory*, St. Petersburg, 383 p., (in Russian).
Mokletsova, IV 2003, "Walking" in Russian Culture and Literature of 10th-20th Centuries, Moscow, 73 p., (in Russian).
Molotkov, S (comp.) 2013, *Practical Encyclopedia. The Foundations of a Proper Spiritual Life. According to the Works of St. Ignatius Bryanchaninov*, St. Petersburg, 336 p., (in Russian).